

Ревитализация религии на российском Дальнем Востоке в 1980—2000-е гг.¹

Оксана Петровна Федирко,

доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: fedirko@ihaefe.ru

Статья посвящена изучению феномена ревитализации религиозной жизни на постсоветском Дальнем Востоке России, который обусловлен целым комплексом факторов, значительно изменивших конфессиональный ландшафт региона. Рассматриваются два подхода к интерпретации этого процесса в России: характеристика религии как общественного института, отзываясь на вызовы извне, и как самостоятельного, самовозрождающегося явления. Основными факторами являются динамично меняющееся законодательство в сфере государственно-конфессиональных отношений; использование «религиозного вопроса» политическими партиями и движениями в борьбе за электорат; активная деятельность иностранных миссионеров, направленная как на помощь уже существовавшим дальневосточным религиозным объединениям, так и на распространение новых, нетрадиционных для региона учений, и др. Отмечается, что в ситуации идеологического вакуума, возникшего в результате крушения советской идеологии, религиозная традиция оказалась востребованной дальневосточным обществом именно как способ сохранения культурно-исторической преемственности. Дальневосточники принимали религию в качестве новой идеологии (гражданской идентичности), и, как следствие, в 1990-е гг. произошло естественное обращение некоторой части граждан к религии. В указанный период среди дальневосточного населения, декларирующего свою религиозность, сложилась специфическая ситуация, которая заключалась в том, что конфессиональная принадлежность и личная религиозность не были взаимосвязанными явлениями.

Ключевые слова: религия, Дальний Восток, ревитализация, общество, миссионерство, политика, идентичность.

Religious Revitalization in the Russian Far East in the 1980—2000^{s2}.

Oksana Fedirko, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: fedirko@ihaefe.ru.

The paper is devoted to the phenomenon of religious revitalization in the post-Soviet Far East of Russia which, due to a whole range of factors, significantly

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00496 А.

² The reported study was funded by RFBR, research project No. 20-011-00496 А.

changed the confessional landscape of the region. Two approaches to the interpretation of religious revitalization in Russia are analyzed: religion as a social institution responding to challenges from the outside and as an independent, self-reviving phenomenon. The following main factors can be distinguished: dynamically changing legislation in the field of state-confessional relations, the use of the “religious issue” by political parties and movements in the struggle for the electorate, vigorous activity of foreign missionaries aiming to help already existing Far Eastern religious associations and to disseminate new teachings that are not traditional for the region, etc. The author points out that in the situation of ideological vacuum, which was a result of the collapse of Soviet ideology, the religious tradition proved to be in demand by the Far Eastern society just as a way to preserve cultural and historical continuity. The people of the Far East accepted religion as a new ideology (civil identity), and, as a result, there was a natural conversion of some citizens to religion in the 1990s. During this period, a peculiar situation occurred among the inhabitants of the Far East who declared religiosity: confession and personal religiosity were not interchangeable.

Keywords: religion, Far East, revitalization, society, missionary work, politics, identity.

Ревитализация религии в начале 1980-х гг. стала явлением, характерным для большинства стран Европы, Ближнего Востока и Азии. Причинами процессов, условно названных «религиозным возрождением», в мировом пространстве стали как схожие, так и специфические тенденции, рассмотренные отечественными и зарубежными историками, философами и социологами.

Анализируя процессы ревитализации религии в Европе, Грейс Дейви, социолог религии из Британии, делает предположение о том, что изменения в системе государственно-конфессиональных отношений в указанном регионе напрямую связаны с политическими факторами [21, р. 68]. Несколько другой точки зрения придерживается французский философ Аллен Бадью, который утверждает, что возрождение религии зависит именно от традиций [1, с. 43]. Ему вторит словенский культуролог и социальный философ Славој Жижек: «Когда речь идёт о религии, мы сегодня не являемся „истинно верующими“, мы лишь следуем (некоторым) религиозным ритуалам и обычаям из уважения к „образу жизни“ сообщества, к которому мы принадлежим» [7, с. 14].

Эти две тенденции, заданные авторитетными западными исследователями, были поддержаны и российскими учёными. Крупнейший исследователь истории взаимоотношений государства и религиозных объединений в России М.И. Одинцов отмечает, что «в 1980—90-х гг. происходит формирование новой модели церковной политики современного российского государства... [которая]... может быть только синтезом исторического опыта разрешения „религиозного вопроса“» [15, с. 42]. В то же время

он предостерегает как от политизации и идеологизации вероисповедной политики, так и от недооценки «религиозного фактора». С.М. Дударёнок, основатель владивостокской научной школы религиоведения, в своих работах также подчёркивает: возрождение религии в последнем десятилетии XX в. на Дальнем Востоке было обусловлено тем, что «религия стала восприниматься как мировоззрение, символизирующее полный разрыв с прежним тоталитаризмом, а вскоре и как панацея от всех социальных и моральных недугов» [5, с. 132].

В целом исследователи ревитализации религии в 1980—1990 гг. в России и других странах сходятся во мнении, что огромное влияние на это явление оказали трансформация мировой политической системы и процессы глобализации, которые изменили религиозную картину мира и запустили процесс формирования нового конфессионального пространства на территории бывшего СССР. Почти тридцатилетний период поиска Россией собственной модели государственно-конфессиональных отношений ещё не окончен. Более того, за этот срок он трижды менял свой характер. Таким образом, изучение причин и событий начального этапа ревитализации религии в Дальневосточном регионе представляется особенно актуальным.

Целью данной статьи является анализ процесса ревитализации религии на Дальнем Востоке России и специфических особенностей, повлиявших на него. Планируется рассмотреть два подхода к интерпретации этого процесса в России: характеристика религии как общественного института, отзывающегося на вызовы извне, и как самостоятельного, самовозрождающегося явления.

Методология, избранная автором для настоящего исследования, включает в себя компаративный анализ, предполагающий выделение наиболее существенных проблем в каждом из изучаемых аспектов ревитализации религии на Дальнем Востоке России и философского осмысления данного процесса, а также обращение к качественным (а не к количественным) методам изучения с соответствующим динамическим подходом к описанию предмета.

Полное искоренение религии и построение безрелигиозного советского общества, несмотря на предпринятые партией и государством усилия, оказалось невозможным. Невзирая на четыре антирелигиозные кампании, проведённые в СССР, сопровождавшиеся в числе прочего физическим уничтожением и изоляцией верующих, в стране сохранялась религиозность населения на уровне обрядов и бытовых традиций, так называемая культурная (бытовая) религиозность. Этот тип религиозности чаще всего не относился к институту религии, а являлся отражением коллективной общности, веками существующих исторических вероисповеданий [2, с. 106]. Многие элементы обрядности, связанные с природными праздниками, жизненными циклами, стали частью общекультурной традиции и воспринимались населением как элемент этнокультурной

идентичности, принадлежности к определённом «роду». Среди самых распространённых подобных обрядов можно отметить практически повсеместно принятое крашение яиц на Пасху, использование молитв или их фрагментов в лечебной магии и др. Но в большей мере и фиксируемой форме бытовая религиозность получила своё распространение в похоронных обрядах, начиная со специфических моментов оплакивания покойника до поминальных традиций, что было, как показывают наши исследования, исторически связано с этнической принадлежностью той или иной части переселенческого населения Дальнего Востока.

Наряду с культурной религиозностью в Советском Союзе продолжали существовать религиозные объединения. Часть из них возобновила свою деятельность в результате изменений законодательства, регламентирующего государственно-конфессиональные отношения в послевоенном СССР. Другие возникли силу естественных процессов развития религиозного вероучения и претерпели трансформации в новых условиях. Эти обстоятельства можно объяснить с точки зрения характеристики религии как общественного института, способного к самостоятельному внутреннему возрождению.

Дальний Восток исторически являлся секулярным регионом. В 1980 г. только 9440 чел., что составляло примерно 0,17% от общего количества населения региона, относили себя к верующим. В то же время действовали 165 официально зарегистрированных религиозных организаций [14, с. 612].

После провозглашения принципов свободы совести в СССР, а в дальнейшем в России, стали наблюдаться процессы частичной ревитализации религии, причиной которых послужило стремление к удовлетворению духовных потребностей у части общества.

Основной рост зарегистрированных религиозных объединений и числа верующих на Дальнем Востоке России пришёлся на 1990-е гг., чему способствовал ряд факторов, которые, на наш взгляд, можно отнести либо к внутри-, либо к внешнеполитическим.

Среди основных внутривнутриполитических факторов выделяются чисто правовые проблемы в становлении новой российской государственности: неопределённость ключевых дефиниций «свобода вероисповедания» и «свобода совести», а также динамично меняющееся законодательство в сфере государственно-конфессиональных отношений.

Изучая начальный период демократических преобразований, принятых М.С. Горбачёвым, большинство исследователей отмечает отсутствие чёткой стратегии в реформировании прежней вероисповедной политики государства. Этим во многом объясняется замешательство государственной администрации на местах, которой предстояло начать эти самые преобразования.

Анализ отчётов дальневосточных уполномоченных по делам религий позволяет документировать сложившуюся ситуацию. Так, назначенный

в 1985 г. на должность уполномоченного Совета по делам религий по Камчатской области Н.Н. Дементьев в своём отчёте за 1986 г. отмечает: «17 июля 1986 г. Совмин СССР направил министерствам и ведомствам РСФСР, Совминам автономных республик, крайисполкомам, облисполкомам, записку Совета по делам религий при Совмине СССР „О религиозной обстановке, состоянии и мерах по усилению контроля за соблюдением законодательства о культах в РФ“ для рассмотрения и принятия мер. В соответствии с этим были разработаны мероприятия, включавшие в себя в т.ч.: <...> изучение специфики деятельности религиозных объединений <...>. В п. Новом Елизовского района регулярно по субботам проводит молитвенные собрания религиозное общество АСД. <...> За последнее время значительно улучшилось содержание проповедей. Как правило, они посвящаются религиозным, религиозно-патриотическим и морально-этическим темам. Среди них есть и такие: „О добросовестном отношении к труду“, „О почитании старших“, „О вреде суеверий“ и другие. В проповедях нашли отражение некоторые материалы 27 съезда КПСС, перестройка, которая происходит во всех сферах нашей жизни. В этом году верующие религиозного общества АСД внесли на счёт пострадавших от стихии в Грузии 250 руб.» [ГАКК. Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 4. Л. 8].

Эти и другие факты свидетельствуют об оживлении религиозной жизни в регионах, но на данном этапе государство было ещё не готово отказаться от антирелигиозной пропаганды. Из доклада председателя Совета по делам религий при Совете Министров РСФСР Л.Ф. Колесникова: «Анализ положения дел на местах показывает, что многие ведомства, учреждения недооценивают остроту сложившейся религиозной ситуации, не принимают действенных мер по усилению идейно-воспитательной работы с сектантами в трудовых, учебных коллективах, по месту жительства» [ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 143. Л. 21]. Он же, резюмируя задачи, поставленные партией перед местными органами власти, отмечает, что необходимо «на основе имеющегося опыта определить формы политической работы с духовенством и верующими в соответствии с процессами всесторонней демократизации и гласности» [ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 143. Л. 32].

Однако активное религиозное возрождение в России начинается с широкого празднования 1000-летия христианства на Руси и встречи генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва с членами Святейшего синода Русской православной церкви Московского патриархата (РПЦ МП) в 1988 г.

В сводках с мест, направленных уполномоченному по делам религий в Хабаровском крае, отмечается: «В связи с празднованием 1000-летия крещения Руси увеличилось число любопытствующих со стороны молодёжи к религиозным обрядам. Происходит и обратный процесс, когда служители церкви стали идти на контакт с различными слоями населения (посещение священником интерната престарелых и инвалидов, встреча со школьниками)» [ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 158. Л. 13]. Подобные

процессы отмечаются и на Камчатке: «Резко изменилось общественное мнение в отношении религии и церкви, которое традиционно на Камчатке было негативным. Многие представители интеллигенции стали проявлять интерес к истории христианства, изучению Библии. В начале ноября в горкоме Петропавловска-Камчатского состоялся семинар, на котором перед пропагандистами выступил священник православного религиозного общества Левко Я.С. и пресвитер АСД Рубанов А.И. В заключение присутствующие с интересом посмотрели фильм „Жизнь Иисуса Христа“. По просьбе общественности при церкви АСД создана воскресная школа по изучению Библии» [ГАКК. Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 13. Л. 2]. В Еврейской автономной области Комиссия по соблюдению законодательства о религиозных культах при Биробиджанском исполкоме констатировала, что «в связи с расширением демократизации и гласности в жизни нашей страны, более активной и наступательной стали вести себя активисты зарегистрированной общины ЕХБ» [ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 166. Л. 8].

Следующим этапом в процессе ревитализации религии и включения конфессий в политическую жизнь страны становится эпоха Б.Н. Ельцина. Во время августовского путча 1991 г. президент РФ обращается за поддержкой к РПЦ МП, призывая её «не остаться в стороне от происходящего, ибо оно напрямую связано с делом, которому Вы, Ваше Святейшество, посвятили всю свою жизнь — служению людям, заботе об их сердцах и душах» [13]. И уже после своей победы Ельцин последовательно проводит курс на демократизацию вероисповедной политики.

После принятия закона «О свободе совести и религиозных организациях» в 1990 г. и упразднения Совета по делам религий СССР в ноябре 1991 г. были ликвидированы все советские органы, координирующие взаимоотношения государства и религиозных объединений. Основным центром, куда стекалась информация об официально зарегистрированных религиозных объединениях, стало Министерство юстиции. Это позволяет проследить рост численности религиозных организаций, но, к сожалению, не даёт объективных сведений о трансформации мировоззренческих установок дальневосточного населения.

При этом косвенным свидетельством роста религиозности в регионе стало активное использование «религиозного вопроса» политическими партиями и движениями в борьбе за электорат. «Именно агитационные материалы конфессиональной направленности формирующихся политических партий и общественных движений <...> могут использоваться современными исследователями для воссоздания картины конфессиональной жизни страны» [20, с. 79].

Наращение проблем в ходе реформ середины 1990-х гг., разочарование в либеральной политике, разгул преступности для части населения России делали привлекательными именно религиозные ценности, которые ассоциировались с общечеловеческими. Чем выше была потребность жителей страны в поисках своей религиозной идентичности, тем больше

политические партии и движения в своих программных документах делали акцент на вопросах веры и этноконфессиональных отношениях. В ходе предвыборных кампаний 1995 г. (думская), а также 1996 и 1999 гг. (президентские) религиозные объединения вновь оказались под пристальным вниманием политических партий и движений.

В частности, представители национально-патриотического лагеря, придерживающиеся консервативной модели партийно-церковных отношений, выступали в защиту традиционных религий, критикуя все остальные конфессии. В 1997 г. лидер ЛДПР В.В. Жириновский в соавторстве с Н.В. Кривельской издал и распространил по стране информативно-аналитическое исследование «Псевдохристианские религиозные организации России». В вводной части этой брошюры указывается, что «в пропагандистской деятельности подобного рода организаций таится угроза для всей нации, ибо калечит она судьбы не только отдельных граждан, нанося урон их психическому, а подчас и физическому здоровью, но и разрушает семью — одну из главных опор стабильной жизни общества и государства в целом» [8, с. 1]. В том же 1997 г., накануне выборов в депутаты городской Думы г. Владивостока, губернатор Приморского края Е. Наздратенко в своём интервью газете «Владивосток» рассуждал: «...хорошо, когда у людей есть интерес к общественным делам, в какой бы политической форме он ни проявлялся. А вот к религии отношусь немного иначе. Мне кажется, что здесь речь идёт не только о свободе совести, ведь нужно уважать не только право одного человека исповедовать свою религию, но и право общества оберегать свои культурные основы, свою национальную самобытность» [10, с. 3].

Более категорично выступали сторонники конфессионально-ориентированной модели политико-церковных отношений. Её основой, согласно Е.Б. Марину, является «подход... к вопросам религии с позиции интересов определённой конфессии. Для этой модели характерны: значительная степень совпадения принадлежности к определённой церкви и к партии; влияние религиозных постулатов на идеологию партии; защита в деятельности партии интересов „своей“ конфессии, поддержка партии политизированной частью церкви» [12, с. 86]. В воззвании социал-патриотического движения «Держава» в качестве одной из основных целей провозглашалось «возрождение духовного стержня российской государственности. В мировой истории сохранились только народы, которые осознавали свою нравственно-религиозную самобытность. „Общечеловеческая“ фразеология годится лишь для внутреннего разложения противника. Православная вера — крепкая власть — русская соборность спасут от гибели и вновь сплотят русский народ, а вместе с ним и другие народы России» [4].

Большую роль в процессе ревитализации религии сыграли региональные и федеральные СМИ, формировавшие у населения позитивный образ отдельных конфессий. Чаще всего на страницах газет и с экранов телевизоров преподносилась информация об участии государственных

и общественных деятелей в религиозных обрядах РПЦ МП. Например, широко освещая поездку А. Солженицына по России в 1994 г., СМИ делали особый акцент на участии писателя в организованных РПЦ МП в городах Дальнего Востока панихидах по жертвам репрессий [18], тем самым формируя образ российского патриота, приверженца православия.

В качестве сюжетов, вызывающих непосредственный интерес у читателей, газеты публиковали парадоксальные примеры вмешательства государства во внутренние дела конфессий. В 2001 г. на Сахалине суд рассматривал жалобу местной жительницы об отлучении её от РПЦ МП. Суд решил, что «акт отлучения от церкви ничем не предусмотрен, противоречит Конституции РФ, закону „О свободе совести и религиозных объединениях“, уставу религиозной организации и нарушают права <заявителя>, действия которой не попадают под понятия ересь и раскольничество» [17].

Для СМИ в 1990-е гг. XX в. — начале XXI в. стало традиционным освещение ритуальных действий, проводимых совместно конфессиями и государственными структурами. Часто участниками таких публикаций были РПЦ МП и армия. Например, 28 августа 2002 г. во Владивостоке прошёл торжественный крестный ход с частицей мощей адмирала Фёдора Ушакова, канонизированного Русской православной церковью [3]. Такие статьи формировали у простых обывателей иллюзию тесной связи государственных органов и религиозных объединений.

Изменения роли религиозных объединений в жизни дальневосточного общества можно проиллюстрировать документами, характеризующими ситуацию в отдельно взятом регионе.

В отчётах партийных органов Камчатской области «1988 г. был отмечен важнейшими событиями в жизни партии и народа. Главное место среди них занимает 19 Всесоюзная партийная конференция. Празднование 1000-летия христианства на Руси, встреча генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва с членами Святейшего Синода РПЦ показали, что не только по содержанию, но и по методам своей деятельности КПСС в полной мере соответствует ленинской концепции руководящей роли партии в обществе. <...> в значительной степени уменьшилась напряжённость во взаимоотношениях между верующими, служителями культа и местными партийными и советскими органами. <...> Стало доброжелательным отношение средств массовой информации и пропаганды к вопросам религии и церкви» [ГАКК. Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 10. Л. 1].

Через 17 лет, в 2005 г., глава Петропавловской и Камчатской епархии в своём интервью констатировал, что «по всем значимым церковным и государственным событиям радио- и телекомпания просят комментарии священников, все газеты охотно помещают материалы, представляемые им пресс-центром епархии. Почти все газеты Петропавловска публикуют архиерейские послания к праздникам Пасхи и Рождества, поздравления к государственным праздникам. По радио и телевидению также

передаются такие поздравления. Традиционный ежегодный осенний телерадиомарафон „Дорога к храму“, посвящённый сбору средств на строительство кафедрального собора, проводится в течение недели и сопровождается исключительно активной поддержкой всех СМИ» [9, с. 14].

На Дальнем Востоке и в России в целом сложилась уникальная ситуация, связанная с тем, что политические партии и движения, кроме собственно политических, выполняли функции социального лифта, который позволял человеку покинуть регион, войти в правящие структуры или обеспечить себя материальными благами и властными полномочиями на местах. По этой причине тем, кто стремился войти в политический бомонд или приблизиться к административной власти, требовалось принять идеологические установки политических структур. Так в дальневосточном обществе постепенно формировалась тенденция к появлению декларативной (номинальной) религиозности. Её фиксируют исследователи и из других регионов России. По мнению Т.С. Прониной, «социально-политический контекст в России изменяется за 10 лет столь кардинально, что к 2000-м гг. уже неловко признаться в том, что твои родители были атеистами, так же, как и в собственной приверженности данному мировоззрению» [16, с. 179].

Таким образом, за столь небольшой период место религии в системе государственно-конфессиональных отношений изменилось в корне.

Период с конца 1980-х гг. характеризуется мощными интеграционными процессами на постсоветском пространстве. Внешнеполитические факторы, повлиявшие на процесс ревитализации религии на Дальнем Востоке, связаны, во-первых, с его пограничным расположением, а во-вторых, с закрытым статусом в советский период большинства дальневосточных территорий, представлявших иностранцам идеальным полем деятельности.

Об активности в Дальневосточном регионе зарубежных пропагандистских центров уже в 1987 г. свидетельствуют данные, приведённые в отчёте уполномоченного Совета по делам религий по Приморскому краю: «8 зарубежных радиостанций <...> ведут вещание на регион Дальнего Востока по различным вопросам религиозной тематики 25 часов в сутки, 85% забрасываемой в Приморье из-за рубежа литературы составляют религиозные издания и иная духовная контрабанда. Известная своей антисоветской деятельностью „Международная амнистия“ рассылает в адреса должностных лиц и других советских граждан многочисленные письма с призывами требовать освобождения осуждённых за преступную деятельность религиозных авторитетов. Негативное воздействие западные подрывные центры пытаются оказать на священнослужителей и верующих при их выезде за рубеж, а также через своих эмиссаров, внедряемых в состав посещающих СССР различных церковных и других делегатов» [ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 157. Л. 36]. В последующие годы, вплоть до 1997 г., когда после событий, связанных с экстремистской деятельностью

религиозных групп «Аум синрикё» и «Белое братство», Россия ввела защитный барьер в виде федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», иностранная религиозная экспансия на Дальнем Востоке только усиливалась.

Международные миссионерские организации с целью вовлечения населения Дальнего Востока в религиозные группы так называемых новых религий использовали весь спектр доступных им средств (финансовая и гуманитарная помощь, создание сети образовательных учреждений, организация паломничества и др.) и методов (просвещение, НЛП, СМИ и др.).

С.М. Дударёнок, вводя в научный оборот понятие религиозной составляющей дальневосточного фронта, отмечает, что «секулярность подавляющего большинства дальневосточного порубежья, отсутствие прочных религиозных традиций способствовало активной деятельности на данной территории миссионеров различных „нетрадиционных религий“» [6, с. 321]. И действительно, секулярное в большей части население Дальнего Востока было психологически не готово к столь мощному натиску обрушившейся на него религиозной пропаганды. Большинство из нетрадиционных религий представляли собой экзотические учения, вызывавшие особый интерес в среде студентов и интеллигенции. Очевидно, принадлежность к этим группам создавала налёт элитарности, загадочности, что значительно повышало самооценку адептов.

С другой стороны, международные религиозные организации оказывали материальную, информационную и кадровую помощь традиционным, преимущественно протестантским организациям Дальнего Востока. Благодаря этому последние утвердились формально, увеличились численно и приобрели устойчивый статус партнёра государства в социокультурном пространстве Дальнего Востока и России в целом.

Однако общины «новых религий», создаваемые иностранцами с привлечением огромных финансов, не имели этнической и культурной почвы в регионе, не выдержали испытания временем и к началу XXI в. утратили своё влияние на локальный социум [19, с. 43].

Кроме значительного влияния, которое оказал процесс институционального оформления религиозных объединений на ревитализацию религии в Дальневосточном регионе, необходимо отметить и следующий фактор. Религия является самовозрождающимся явлением, вытекающим из индивидуальной духовной потребности человека. У части населения возникала потребность в вере, и религиозные объединения выполняли свою неотъемлемую функцию — психотерапевтическую. Так, в СМИ 15 ноября 1991 г. была опубликована заметка о том, что «сто сирот, живущих в Покровском детском доме (Приморский край), стали православными. Обряд крещения проведён по их просьбе под впечатлением от публикаций на религиозные темы в детском иллюстрированном журнале „Трамвай“. Шефы детского дома — работники Объединения „Дальприбор“ — оплатили расходы на проведение обряда» [11].

В ситуации идеологического вакуума, возникшего в результате крушения советской идеологии, граждане нуждались в новых ориентирах, и религия сыграла в этом процессе замещающую роль. В связи с коренными изменениями в системе государственно-конфессиональных отношений произошло естественное обращение некоторой части граждан к религии. Дальневосточники, как и россияне в целом, приняли религию в качестве важного элемента своей гражданской, этнокультурной идентичности. Религиозная традиция оказалась востребованной именно как способ сохранения культурно-исторической преемственности. В этом важную роль сыграли традиционные для Дальнего Востока конфессии: православие (в лице РПЦ МП и Русской православной старообрядческой церкви) и протестантизм (баптизм, евангельское христианство, адвентизм и другие направления), которые предложили актуальную реинтерпретацию знакомой традиции, используя привычные для дальневосточников социальные стереотипы, моральные авторитеты и духовные ценности.

Однако для населения Дальнего Востока процесс приобщения к той или иной конфессии часто не сопровождался значительными изменениями в сфере индивидуальной религиозной идентичности, затрагивающей уровень убеждений и религиозной практики. Для дальневосточников оказалась более востребованной работа церковью по решению повседневных проблем общества в рамках социального партнёрства государства и церкви. Именно поэтому большинство нетрадиционных для региона религий начинали свою деятельность с программ, направленных на помощь социальным незащищённым слоям населения.

Таким образом, можно утверждать, что процесс ревитализации религии на постсоветском Дальнем Востоке России был обусловлен целым комплексом факторов, которые значительно изменили «конфессиональный ландшафт» региона.

Активное влияние процесса глобализации на политическую и общественную сферу Дальнего Востока было временным. Но светское общество и религиозные объединения за это время приобрели опыт взаимодействия с внешним миром, которого были лишены в условиях «железного занавеса». Сокращение, а в некоторых случаях и полное прекращение контактов с международными религиозными центрами в начале XXI в. позволили религиозным объединениям Дальнего Востока сосредоточиться на внутрицерковной жизни и выйти на новый уровень государственно-конфессиональных отношений.

Активная деятельность религиозных институтов, переживавших возрождение в условиях декларированной свободы совести, и структур, возникших на политической арене в перестроечный и постперестроечный период, стимулировали процесс формирования декларативной религиозности населения Дальнего Востока России. Но, как показывает практика, интерес, который политические партии и объединения проявляли к религии, часто превышал существовавшую общественную потребность в ней.

Дальневосточники приняли религию как новую идеологию (гражданскую идентичность), следовательно, сопричастность к истории и культуре России стала возможной через признание своей принадлежности к религии. Безусловно, на выбор последней влияла и демонстрируемая религиозность политической и культурной элиты, умело проведённые пиар-акции с привлечением внимания к вероисповедной тематике. Поэтому среди дальневосточного населения, декларирующего свою религиозность, сложилась специфическая ситуация, заключающаяся в том, что конфессиональная принадлежность и личная религиозность не являются непосредственно взаимосвязанными явлениями.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бадью А. *Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию* Алена Бадью. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2013. 192 с.
2. Благоевич М. Десекуляризация сербского общества // *Теория и практика общественного развития*. 2012. № 4. С. 105—111.
3. Во Владивостоке пройдёт крестный ход с частицей мощей адмирала Ушакова // *Комсомольская правда*. 2002. 28 августа. С. 1.
4. Воззвание Социал-патриотического движения «Держава». URL: <http://www.panorama.ru/works/patr/pdoc/5f.html> (дата обращения: 16.08.2014).
5. Дударёнок С.М. Религиозная ситуация на российском Дальнем Востоке: история и современность // *Россия и АТР*. 2004. № 2 (44). С. 130—140.
6. Дударёнок С.М. Религиозная составляющая дальневосточного фронта // *Труды IV Конгресса российских исследователей религии «Религия как фактор взаимодействия цивилизаций»*. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2018. С. 314—323.
7. Жижек С. *Устройство разрыва. Параллаксное видение*. М.: Европа, 2008. 516 с.
8. Жириновский В.В., Кривельская Н.В. *Псевдохристианские религиозные организации России: информационно-аналитическое исследование*. М., 1997. 72 с.
9. Игнатий, Епископ Петропавловский и Камчатский. *Деятельность Петропавловской и Камчатской епархии (1998—2004 гг.)* // *IV Международные исторические и Свято-Иннокентьевские чтения*. Петропавловск-Камчатский: Изд-во Камчат. обл. библиотеки, 2005. С. 12—15.
10. *Исповедь приморского губернатора* // *Владивосток*. 1997. № 106. 28 марта. С. 3.
11. *Крещение сирот*. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=archive&div=5042> (дата обращения: 01.10.2019).
12. Марин Е.Б. *Политика российских партий и движений в вопросах религии и свободы совести (конец 1980-х — середина 2000-х годов)* // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2010. № 4. С. 84—89.
13. *Обращение Президента России Бориса Ельцина к Патриарху Московскому и всея Руси*. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=archive&div=5060> (дата обращения: 01.10.2019).
14. *Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960—1991 гг.* / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 940 с. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5)

15. Одинцов М.И. Государственно-церковные отношения в России (На материалах отечественной истории XX века): дис. ... д-ра ист. наук, в виде научного доклада. М., 1996. 50 с.
16. Пронина Т.С. Религиозность позднего советского периода и ревитализация религии в постсоветской России // Вестник ТГУ. 2015. № 6 (146). С. 178—189.
17. Сахалинский суд признал незаконным отлучение от церкви // Коммерсантъ. 2001. № 116. 5 июля. С. 3.
18. Солженицын прибыл в Хабаровск и принял участие в панихиде по жертвам репрессий. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=archive&div=5370> (дата обращения: 01.10.2019).
19. Федирко О.П. Влияние процессов глобализации на изменение конфессионального ландшафта российского Дальнего Востока в период с 1980-х до 2019 г. // Общество: философия, история, культура. 2019. № 11. С. 40—46.
20. Федирко О.П. Документы государственных учреждений и политических партий как источник по религиозной ситуации в России в 1990-е // Архон. 2018. № 3 (6). С. 77—87.
21. Davie G. *The Sociology of Religion: A Critical Agenda*. London: SAGE Publications, 2007. 460 p.
22. ГАКК (Гос. арх. Камчатского края).
23. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).

REFERENCES

1. Bad'yu A. *Filosofiya i sobytie. Besedy s kratkim vvedeniem v filosofiyu Alena Bad'yu* [Philosophy and Event. Conversations with a Brief Introduction to Alain Badiou's Philosophy]. Moscow, In-t obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2013, 192 p. (In Russ.)
2. Blagoevich M. Desekulyarizatsiya serbskogo obshchestva [Desecularization of the Serbian Society]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2012, no. 4, pp. 105—111. (In Russ.)
3. Vo Vladivostoke proydet krestnyy khod s chastitsey moshchey admirala Ushakova [A Procession with the Particles of the Holy Relics of Admiral Ushakov Will Be Held in Vladivostok]. *Komsomol'skaya pravda*, 2002, August 28, p. 1. (In Russ.)
4. *Vozzvanie Sotsial-patrioticheskogo dvizheniya "Derzhava"* [The Appeal of the Social-Patriotic Movement "Power"]. Available at: <http://www.panorama.ru/works/patr/pdoc/5f.html> (accessed 16.08.2014). (In Russ.)
5. Dudarenok S.M. Religioznaya situatsiya na rossiyskom Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost' [Religious Situation in the Russian Far East: History and Contemporaneity]. *Rossiya i ATR*, 2004, no. 2 (44), pp. 130—140. (In Russ.)
6. Dudarenok S.M. Religioznaya sostavlyayushchaya dal'nevostochnogo frontira [Religious Component of the Far Eastern Frontier]. *Trudy IV Kongressa rossiyskikh issledovateley religii "Religiya kak faktor vzaimodeystviya tsivilizatsiy"* [Proceedings of the Fourth Congress of Russian Researchers of Religion "Religion as a Factor of Interaction of Civilizations"]. Blagoveshchensk, Izd-vo AmGU Publ., 2018, pp. 314—323. (In Russ.)
7. Zhizhek S. *Ustroystvo razryva. Parallaknoe videnie* [Gap Device. Parallax View]. Moscow, Evropa Publ., 2008, 516 p. (In Russ.)
8. Zhirinovskiy V.V., Krivel'skaya N.V. *Psevdokhristianskie religioznye organizatsii Rossii: informatsionno-analiticheskoe issledovanie* [Pseudo-Christian Religious Organizations in Russia: Information and Analytical Study]. Moscow, 1997, 72 p. (In Russ.)

9. Ignaty, Bishop of Petropavlovsk and Kamchatka. Deyatel'nost' Petropavlovskoy i Kamchatskoy eparkhii (1998—2004 gg.) [Activities of the Petropavlovsk and Kamchatka Diocese (1998—2004)]. *IV Mezhdunarodnye istoricheskie i Svyato-Innokent'evskie chteniya* [The Fourth International Historical and the Holy Innocentiev's Readings]. Petropavlovsk-Kamchatskiy, Izd-vo Kamchat. obl. biblioteki Publ., 2005, pp. 12—15. (In Russ.)
10. Ispoved' primorskogo gubernatora [Confession of the Governor of Primorye]. *Vladivostok*, 1997, no. 106, March 28, p. 3. (In Russ.)
11. *Kreshchenie sirot* [Baptism of Orphans]. Available at: <http://www.interfax-religion.ru/?act=archive&div=5042> (accessed 01.10.2019). (In Russ.)
12. Marin E.B. Politika rossiyskikh partiy i dvizheniy v voprosakh religii i svobody sovesti (konets 1980-kh — seredina 2000-kh godov) [Politics of Russian Parties and Movements in Matters of Religion and Freedom of Conscience (from the Late 1980s to the Mid-2000s)]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2010, no. 4, pp. 84—89. (In Russ.)
13. *Obrashchenie Prezidenta Rossii Borisa El'tsina k Patriarkhu Moskovskomu i vseya Rusi* [Address by the President of Russia Boris Yeltsin to the Patriarch of Moscow and All Russia]. Available at: <http://www.interfax-religion.ru/?act=archive&div=5060> (accessed 01.10.2019). (In Russ.)
14. *Obshchestvo i vlast' na rossiyskom Dal'nem Vostoke v 1960—1991 gg.* [Society and Power in the Russian Far East in 1960—1991]. General ed. by V.L. Larin; executive ed. A.S. Vashchuk. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ., 2016, 940 p. (Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 5 [The History of the Far East. Vol. 3. Book 2]). (In Russ.)
15. Odintsov M.I. *Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v Rossii (Na materialakh otechestvennoy istorii XX veka)*: dis. ... d-ra ist. nauk, v vide nauchnogo doklada [State-Church Relations in Russia (A Case Study of the National History of the Twentieth Century)]. Doctoral Dissertation in Historical Science, as a Scientific Report]. Moscow, 1996, 50 p. (In Russ.)
16. Pronina T.S. Religioznost' pozdnego sovetского периода i revitalizatsiya religii v postsovetской Rossii [Religiosity of the Late Soviet Period and Religious Revitalization in Post-Soviet Russia]. *Vestnik TGU*, 2015, no. 6 (146), pp. 178—189. (In Russ.)
17. Sakhalinskiy sud priznal nezakonnym otluchenie ot tserkvi [The Sakhalin Court Declared Excommunication Illegal]. *Kommersant* 2001, no. 116, July 5, p. 3. (In Russ.)
18. *Solzhenitsyn pribyl v Khabarovsk i prinyal uchastie v panikhide po zhertvam represiiy* [Solzhenitsyn Arrived in Khabarovsk and Took Part in a Memorial Service for Victims of Repression]. Available at: <http://www.interfax-religion.ru/?act=archive&div=5370> (accessed 01.10.2019). (In Russ.)
19. Fedirko O.P. Vliyaniye protsessov globalizatsii na izmeneniye konfessional'nogo landshafta rossiyskogo Dal'nego Vostoka v period s 1980-kh do 2019 g. [The Impact of Globalization on Changing the Confessional Landscape of the Russian Far East from the 1980s to 2019]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 2019, no. 11, pp. 40—46. (In Russ.)
20. Fedirko O.P. Dokumenty gosudarstvennykh uchrezhdeniy i politicheskikh partiy kak istochnik po religioznoy situatsii v Rossii v 1990-e [Documents of State Institutions and Political Parties as a Source of the Religious Situation in Russia in the 1990s]. *Arkhon*, 2018, no. 3 (6), pp. 77—87. (In Russ.)
21. Davie G. *The Sociology of Religion: A Critical Agenda*. London, SAGE Publications Publ., 2007, 460 p. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 15.01.2020